

В Книге Судеб в записи Янь Дуншэня появилась новая строчка: В судьбе уготован демон цветов, с которым предстоит встречаться всю жизнь.

Содержание Книги Судеб может видеть лишь тот, в чьих руках находится Кисть Судьбы, поэтому стоящий рядом Янь Дуншэнь не мог прочесть написанное — для него страница оставалась пустой. Он с сомнением посмотрел на Шуй Угоу и всё же не удержался от вопроса:

— Угоу, ты что-то написал? Почему я ничего не вижу?

В этот момент Шуй Угоу начал терять свою бессмертную силу. Его тело окутало бледное красное свечение, а лицо заметно осунулось.

Янь Дуншэнь, заметив, что тот молчит, а на лбу у него выступил пот, забеспокоился. Он подался вперёд и спросил:

— Угоу? Что с тобой? Ты в порядке?

Шуй Угоу с трудом закрыл глаза. Красные подводки на веках в сочетании с холодным выражением лица придавали ему сходство с демоном, отчего Янь Дуншэнь на мгновение остолбенел.

Только он хотел коснуться Шуй Угоу, как услышал предельно холодный голос:

— Ничего страшного. Я пойду отдохну.

Шуй Угоу медленно открыл глаза. Капли пота размером с горошину катились по его лицу. С помощью магии он вернул Книгу и Кисть Судеб внутрь себя, затем нетвердой походкой поднялся, чувствуя, как перед глазами всё плывет.

Сделав всего пару шагов, он рухнул на пол!

— Угоу! — в испуге воскликнул Янь Дуншэнь и бросился поддерживать его, но Шуй Угоу уже потерял сознание. Теперь Янь Дуншэнь отчетливо видел, как бессмертная сила стремительно покидает его тело, но не понимал причины.

— Ты же Звездный Владыка Судеб! Почему от простого изменения судьбы тебе стало так плохо? — нахмурившись, пробормотал Янь Дуншэнь и помог ему добраться до постели.

Вдруг он вспомнил слова Шуй Угоу: Судьба — это воля Небес. Хотя я и Владыка Судеб, но не могу менять её по своему желанию. Иначе навлеку на себя Небесную кару.

Янь Дуншэня охватила печаль. Неужели его действительно покарали Небеса?

Глядя на Шуй Угоу, чьи брови даже во сне были сдвинуты от боли, Янь Дуншэнь мысленно поклялся:

— Шуй Угоу, я перед тобой в огромном долгу. Если когда-нибудь ты попадешь в беду, я обязательно тебя спасу.

Янь Дуншэнь вздохнул и огляделся. Комната была наполнена ароматом османтуса. Единственным источником света служила ажурная ярко-красная дверь, окон в помещении не было.

Красные полог и постельное белье были расшиты цветами хиганбаны, создавая атмосферу

праздника. На стенах висело множество пейзажей, и на каждом из них внизу стояла личная печать Шуй Угоу.

— Истинный ценитель прекрасного, — невольно восхитился Янь Дуншэнь, вспоминая самопрезентацию хозяина: Высшее благо подобно воде, чисто и незапятнанно.

Он понимающе улыбнулся и, подойдя ближе, стал рассматривать изящные картины: скрытые в тумане зеленые горы, извилистые реки и уютные дома южного края. Он проникся к Шуй Угоу еще большей симпатией — редкая удача встретить человека с таким тонким вкусом, с ним приятно было бы дружить.

Однако, обернувшись к книжному шкафу и письменному столу, он прикусил язык. Книги валялись как попало, а на столе царил такой хаос, будто там пронесся ураган.

Янь Дуншэнь подошел ближе. Его взгляд привлек прозрачный стол из красного нефрита, даже подставки для кистей были ярко-красными. Весь кабинет, включая тушь, был пропитан этим цветом!

— Эх, до чего же ты любишь красный, — вздохнул Янь Дуншэнь. — Но твой красный такой глубокий и чистый, что глаз не оторвать.

Он принялся бережно собирать разбросанные листы белой рисовой бумаги. Его внимание привлек красивый, уверенный почерк.

— Говорят, почерк отражает характер. Твои иероглифы такие ровные и строгие, интересно, каков же ты на самом деле? — Янь Дуншэнь начал читать написанное красной тушью: — Когда я уходил, ивы склонялись долу; теперь я вернулся, и дождь со снегом летят.

— Ого, не ожидал, что такой грозный мужчина любит подобные сентиментальные строки, — покачал головой Янь Дуншэнь, переходя к другим записям. Там были всё те же мотивы:

— Тот, кто видел великое море, не признает иных вод; тот, кто видел горы Ушань, не признает иных облаков. Проходя сквозь цветы, не оглядываюсь назад — наполовину ради Дао, наполовину ради тебя.

— Прошлое стало пустотой, словно сон.

— Даже если слёзы высохнут, останутся следы; слов много, но нечего сказать.

Прочитав всё это, Янь Дуншэнь пришел к выводу, что Шуй Угоу — человек, который сам ищет себе страданий, упрямый и заикленный.

— Такой крупный мужчина, а натура столь мягкая и нерешительная, что идет вразрез с твоим властным обликом. Непростой ты человек, — заключил он и быстро привел в порядок весь этот беспорядок.

Закончив, он вышел во двор и сел, наблюдая за закатными лучами, которые отражались в его глазах, придавая их холодному блеску теплоту. Он думал о Линь Сюэцзи в белых одеждах — такой величественной и в то же время по-своему живой.

Небо заполнили звезды, лунный свет померк. Тусклое сияние повисло на верхушках деревьев, и даже крики ворон отозвались в сердце Янь Дуншэня.

Он обернулся зелёной лисой, свернулся калачиком на прохладном полу и глупо улыбался, вспоминая тот цветок хиганбаны в пруду с лотосами в Море Будды — столь ярко-алый, что одного взгляда хватило, чтобы пленить его на всю жизнь.

Янь Дуншэнь прижал уши, его закрытые глаза подрагивали, пока он в ночной тишине предавался воспоминаниям о первой встрече.

— Маленький цветочек... подожди, пока я научусь плавать, и ты... никуда от меня не денешься, — пробормотал он, засыпая, и только он один понимал смысл этих слов.

На следующий день солнце стояло высоко.

Шуй Угоу, потерявший половину своего мастерства, наконец пришел в себя. Увидев красные полога, он сразу догадался, что это Янь Дуншэнь перенес его сюда.

Он потерял виски, чувствуя досаду. Никогда прежде он не знал, каково это — лишиться половины сил, и теперь сполна ощутил последствия.

Он вспомнил времена, когда еще не был Звездным Владыкой Судеб и отчаянно тренировался, чтобы его никто не смел обидеть. Те жестокие дни закалили его характер, сделав его беспощадным.

Свет падал сквозь ажурную дверь, и через красные полога казался еще ярче — совсем как тот кусок красного нефрита, что висел у него на шее.

— Интересно, нашел ли Янь Дуншэнь Линь Сюэцзи? — он снова вспомнил об этой парочке и с трудом поднялся с кровати.

Взглянув на стол и шкаф, он увидел, что всё снова стоит по местам. Нахмурившись, он подошел и небрежно сдвинул книги, а через мгновение всё снова превратилось в хаос.

Он подпер щеку рукой и довольно улыбнулся:

— Вот это в моем стиле!

Выйдя из комнаты во двор, он зашагал быстрее и, по иронии судьбы, наступил на что-то мягкое. Раздался пронзительный вопль:

— А-у-у!

Шуй Угоу почувствовал, что наступил на хвост. Янь Дуншэнь, взыв от боли, принялся когтями скрести его темно-красные сапоги.

— Убери ногу! — вопил Янь Дуншэнь, в его голосе было куда меньше величия, чем обычно.

Шуй Угоу виновато отступил и, подняв лиса на руки, принялся старательно дуть на ушибленный хвост. Это выглядело настолько комично, что Янь Дуншэнь, не успевший остыть от гнева, невольно рассмеялся.

— Ха-ха-ха... толку-то дуть? Шерсть такая густая, ты что, думаешь, достанешь до самой кожи? — посмеиваясь, Янь Дуншэнь махнул хвостом по лицу Шуй Угоу.

Тот, поняв, что его старания не оценили, опустил лиса на землю и виновато пробормотал:

— Ты в порядке? И чего тебе было не сидеть в другом месте? Не у ворот же, ты мне не цепной пес.

— Ой-ой, какой же у тебя ядовитый язык! Сначала наступил, а теперь обзываешь собакой. Совести у тебя нет! — Янь Дуншэнь возмущенно выгнул спину, скаля зубы.

Шуй Угоу посмотрел на него сверху вниз, сделав вид, что не понимает, почему тот злится, и добавил:

— В человеческом облике ты куда симпатичнее. А в этой шкуре — разве что милый.

Янь Дуншэнь лишился дара речи, лишь мысленно выругавшись: «Похотливый негодяй!»

Шуй Угоу присел у порога и, повернувшись к нему, сказал:

— Отныне, чтобы найти Линь Сюэцзи, тебе достаточно просто медитировать и думать о ней. Теперь ты можешь её найти, так что нечего больше донимать меня.

Янь Дуншэнь замер и принял человеческий облик. Шуй Угоу от неожиданности отпрянул, но его голос оставался холодным:

— Даже не пытайся соблазнить меня. Между нами нет ничего общего. Я помог тебе изменить судьбу, тем самым выполнив обещание гадать тебе целый год. Думаю, этого достаточно.

Янь Дуншэнь, сверкнув глазами, презрительно ответил:

— Я не из тех бесстыдников, о которых ты говоришь. Ты оказал мне услугу, и я обязательно отплачу, так что нечего так спешить выгнать меня.

Шуй Угоу усмехнулся. Он и не ждал, что Янь Дуншэнь бросится ради него в огонь и воду, лишь молил небеса, чтобы тот оставил его в покое.

— Дуншэнь, я сделал для тебя такое большое дело, ты уж постарайся завоевать Линь Сюэцзи, — с грустью в голосе произнес Шуй Угоу, глядя на красавца с решимостью.

Янь Дуншэнь почувствовал странное волнение и спросил:

— Вчера я видел, что твоя бессмертная сила рассеялась. Это и есть та самая Небесная кара, о которой ты говорил?

Шуй Угоу с лукавой улыбкой подался вперед, глядя в добрые глаза Янь Дуншэня. Тот поначалу сохранял спокойствие, но когда Шуй Угоу нагло приблизился, не выдержал, обернулся лисом и ловко полоснул его когтями!

Раздался глухой стон, и на лице Шуй Угоу осталась царапина. Он лишь поморщился, не чувствуя злости. Сквозь пальцы он видел, как лис скалит зубы, глядя на него с презрением.

— Красивая мордашка — это еще не всё! Иди, иди отсюда, кто тебя держит! — Шуй Угоу вытер капли крови на пальцах и снова приказал: — Уходи и больше не появляйся, считай, что это ты вернул мне долг.

Дикий лис, только что бывший таким дерзким, замер, словно брошенный щенок, и сам не понимал, почему стало так грустно. Но раз хозяин гонит, чего еще тут ждать?

— Прощай, — фыркнул Янь Дуншэнь и, задрав хвост, убежал.

Шуй Угоу смотрел на удаляющуюся фигуру в закатных лучах, чувствуя странную пустоту. Он вздохнул и, деланно небрежно хмыкнув, пробормотал:

— Всего лишь лиса, чего в нем такого особенного?

Он коснулся царапин на носу и нахмурился, размышляя: «Теперь-то эта любовная напасть должна закончиться? Нет, надо спросить у Тань Юньина, так будет спокойнее».

Смазав раны целебной мазью, он, не смущаясь своим видом, отправился во Дворец Тяньшу.

Тань Юньин как раз кормил карпов в пруду. Когда Шуй Угоу приблизился, на его лице была изящная красная маска, скрывающая следы когтей.

Тань Юньин, заметив фигуру у воды, усмехнулся:

— Каким ветром тебя, Владыку Судеб, сюда занесло? Ого! Ты чего? Зачем днем маску носишь?

Шуй Угоу, смутившись, отвел взгляд и, толкнув друга, спросил:

— Быстро посчитай, оборвалась ли моя злосчастная любовная связь?

— Прошло всего ничего, а ты уже хочешь, чтобы она закончилась? Неуважительно к чувствам!

— Тань Юньин не хотел его слушать, но, почувствовав запах лекарств, неожиданно сорвал маску.

— О-о-о-о-о! — заголосил Тань Юньин, в его глазах смешались насмешка и удивление.

Шуй Угоу, потеряв остатки гордости, не стал злиться, а лишь раздраженно бросил:

— Доволен? Насмотрелся? Давай считай, исчезла ли она! Не тяни!

Тань Юньин с усмешкой начал гадать, но вдруг его лицо помрачнело.

— Что ты натворил? Мало того, что связь не оборвалась, так она стала еще крепче!

— Что за чертовщина?! Считай еще раз! — лицо Шуй Угоу посинело от гнева. Он столько сил потратил, как это могло только усугубить ситуацию?

Тань Юньин, решив, что ошибся, пересчитал снова, но результат был тем же:

— Правда! Что ты натворил, признавайся!

Шуй Угоу застыл, открыв рот, и едва не упал, если бы Тань Юньин не подхватил его.

Затем, с ненавистью глядя в небо, он прокричал:

— Небо, ты издеваешься надо мной?! Я потратил столько сил, и вот результат? За что?!

Тань Юньин тоже опечалился:

— Шуй Угоу, что ты всё-таки сделал?

Шуй Угоу резко взмахнул рукавом:

— Я самовольно изменил судьбу зелёной лисы, потратив половину своей жизни.

Глаза Тань Юньина округлились, он остолбенел, не зная, что сказать, чувствуя, как сжимается сердце.

— Да кто такая эта Линь Сюэцзи?! Лицо Янь Дуншэня даже мне нравится, как она могла его отвергнуть? — Шуй Угоу подбоченился, исполненный обиды.

Вспомнив жалобный и печальный вид Янь Дуншэня, он вдруг замер и медленно произнес:

— Неужели Линь Сюэцзи не нравятся такие, как он?

Тань Юньин вздохнул:

— Ты рискнул жизнью, чтобы изменить его судьбу, почему просто не убил его, чтобы покончить с этим раз и навсегда?

— Убить, убить... кроме этого, у тебя есть хоть один нормальный человеческий способ? Столько агрессии! — Шуй Угоу больше всего презирал в Тань Юньине эту привычку чуть что — хвататься за меч, словно разбойник.

Тань Юньин смолчал и сердито отошел в сторону.

— Ладно, раз уж такова воля Небес, пусть будет так! — Шуй Угоу впервые за долгое время показал эмоции, но лицо его тут же стало холодным, словно потеря половины сил была пустяком.

Тем временем Янь Дуншэнь без труда нашел Линь Сюэцзи в бамбуковой роще, и они тут же начали спорить.

Линь Сюэцзи, тяжело опираясь на стебель бамбука, пыталась отдышаться и убежать. Янь Дуншэнь, задыхаясь от бега, кричал:

— Сюэцзи, не беги! Даже если ты скроешься на краю света, я всё равно тебя найду.

Линь Сюэцзи нахмурилась и села на землю, глядя на этого полуживого, но всё еще нежно улыбающегося лиса, и чувствовала лишь раздражение.

Она подумала: неужели он снова гадал у того Владыки Судеб? В следующий раз надо менять место быстрее.

Янь Дуншэнь, словно прочитав её мысли, добавил:

— Я же говорил: если снова убежишь, я попрошу Владыку Судеб изменить мою судьбу так, чтобы ты до конца жизни не вырвалась из моих рук.

— Что? — Линь Сюэцзи пришла в ярость. — Этот Владыка Судеб лезет в чужие дела больше, чем Юэ Лао? Нет, я должна с ним разобраться!

Она в гневе подошла к Янь Дуншэню, схватила его за ухо и замолчала.

Янь Дуншэнь понял, что она действительно разозлилась, но предпочел бы терпеть любые обиды, лишь бы она не уходила.

Может, потому что она слишком долго смотрела на его заискивающее лицо, у Линь Сюэцзи сжалось сердце. Она вспомнила, как заставила его принять человеческий облик, и отпустила ухо.

Она стояла в стороне, глядя на него с долей раскаяния:

— Почему ты так заиклен на мне? В мире полно достойных девушек. Что ты нашел во мне, если я только и делаю, что бью тебя?

Янь Дуншэнь улыбнулся. Он не мог признаться, что изначально влюбился в подлинный облик цветка хиганбаны в пруду, а когда добрался до Мира Демонов, понял, что Линь Сюэцзи — лишь одна из его эманаций.

Может, это судьба, но он безнадежно влюбился в эту частицу и теперь жаждал лишь одного — жениться на ней.

— Тот, кто видел великое море, не признает иных вод, — процитировал он, вспоминая строки, которые видел в Дворце Тяньфу. Похоже, Шуй Угоу разделял его чувства.

Линь Сюэцзи почувствовала укол в сердце, но больше не хотела спорить. Она хотела лишь найти того проклятого Владыку Судеб и свести с ним счеты!

Она взглянула на Янь Дуншэня:

— Я хочу встретиться с этим Владыкой Судеб. Отведи меня во Дворец Тяньфу.

Янь Дуншэнь похолодел:

— Он оказал мне услугу, как я могу предать его? Я не поведу тебя.

Линь Сюэцзи усмехнулась:

— Думаешь, я сама не найду? Я даю тебе шанс, а с моей магией я могу попасть куда угодно.

Янь Дуншэнь знал, что она права, но не хотел становиться соучастником.

Линь Сюэцзи, увидев его нежелание, отмахнулась:

— Ладно, сама дойду.

И, превратившись в луч света, устремилась в Мир Богов.

— Сюэцзи! — в ужасе воскликнул Янь Дуншэнь, жалея, что проболтался о Шуй Угоу, и помчался следом, боясь, что она покалечит Владыку.

Во Дворце Тяньфу Шуй Угоу пил вино, когда у него внезапно задергалось веко. Его охватила тревога.

Линь Сюэцзи, прибыв в Мир Богов, не стала действовать опрометчиво. Она приняла облик небожительницы и под предлогом того, что она новенькая и заблудилась, попросила другую

служанку проводить её во Дворец Тяньфу.

— Странно, почему глаз дергается? Неужели с Янь Дуншэнем что-то случилось? — Шуй Угоу потерял интерес к вину и направился к качелям.

Виноградные лозы обвивали веревки, а ярко-красные качели выделялись на общем фоне. Шуй Угоу улыбнулся, лег на них и, прикрыв глаза, начал раскачиваться.

Линь Сюэцзи уже была у ворот Дворца Тяньфу. Она проскользнула внутрь и, блуждая, случайно попала во Дворец Дождя и Снега.

Солнечный свет пробивался сквозь листву, окрашивая всё в золотистые тона, а опадающие листья создавали атмосферу осенней нежности.

У Шуй Угоу перестал дергаться глаз. Он удивился, поднялся и коснулся бровей.

Вдруг он услышал:

— Прошу прощения, Владыка Судеб здесь?

Шуй Угоу обернулся и увидел незнакомку.

Линь Сюэцзи была величественна: из-под челки смотрели нежные глаза, словно наполненные осенней водой, маленький прямой нос, нежные губы.

Линь Сюэцзи увидела перед собой мужчину в красном: в его лице было четыре части коварства, три — благородства и три — дерзости. Глубокие глаза казались то звездным небом, то бездонной пропастью.

Шуй Угоу, не узнав её, улыбнулся:

— Что привело вас ко мне, госпожа?

Услышав его бархатный голос, Линь Сюэцзи почувствовала симпатию и на мгновение забыла, что хотела сказать. Они смотрели друг на друга.

Опадали листья, пролетая мимо них, и в памяти Линь Сюэцзи отпечатался образ спокойного мужчины в красном, а в сердце Шуй Угоу — образ прекрасной девы.

Идиллию прервал крик:

— Сюэцзи! Надеюсь, ты ничего не сделала Владыке Судеб!

Оба мгновенно напряглись, в их глазах вспыхнула враждебность. Симпатия испарилась.

Шуй Угоу увидел спешащего Янь Дуншэня, а затем снова перевел взгляд на Линь Сюэцзи, чье лицо теперь выражало лишь отвращение.

Шуй Угоу понял: этот дурак Янь Дуншэнь разболтал всё про изменение судьбы.

Линь Сюэцзи смотрела на Шуй Угоу, который снова развалился на качелях, закинув ногу на ногу и глядя в небо, словно их не существовало.

Она нахмурилась: «Значит, то спокойствие было притворством? Лицемер!»

На самом деле Шуй Угоу был в панике, нога его дрожала всё сильнее, а брови непроизвольно сдвинулись.

Янь Дуншэнь, глядя на холодное лицо Линь Сюэцзи, заискивающе спросил:

— Сюэцзи, давай вернемся в нижний мир, нехорошо, когда нас видят.

— Нехорошо? Что тут нехорошего? Он, Владыка Судеб, самовольно изменил судьбу, не боясь нарушить волю Небес? А ведь это касается и моей судьбы! Должна я с ним рассчитаться?

Шуй Угоу, лежа на качелях, наконец открыл глаза. В них сквозило безразличие:

— Ты много знаешь. И что теперь? Пойдешь жаловаться Великому императору долголетия или изобьешь меня?

Линь Сюэцзи пришла в ярость от его самоуверенности, замахнулась, чтобы дать пощечину, но Шуй Угоу перехватил её руку.

Он посмотрел на неё властным взглядом и холодно усмехнулся:

— Линь Сюэцзи, ты всего лишь демон, как смеешь врываться в мой Дворец Тяньфу? Стоит мне позвать стражу, как тебя схватят и сожгут небесным огнем!

Линь Сюэцзи усмехнулась: в мире еще не было таких наглецов!

Она вырвала руку и, глядя в его ненавистное лицо, ледяным тоном произнесла:

— Ты всего лишь мелкий Владыка Судеб, а ведешь себя так, будто имеешь право издеваться над людьми.

Она снова приблизилась к нему:

— Думаешь, я не посмею пойти к Великому императору долголетия? Я иду прямо сейчас!

Она собралась уходить, но Янь Дуншэнь схватил её за рукав, умоляя:

— Сюэцзи, это я просил его изменить мою судьбу. Бей меня, наказывай меня, но оставь его в покое.

Линь Сюэцзи знала, что всё это из-за бесстыдства Янь Дуншэня, но она не хотела, чтобы он продолжал преследовать её.

Она повернулась к Шуй Угоу и высокомерно заявила:

— Владыка Судеб, раз уж вы такой добрый и изменили его судьбу, может, будете так добры изменить и мою?

— Что за вздор! — Шуй Угоу был в бешенстве. Хотя он и был неправ, но видеть такую невоспитанную девицу было для него разочарованием.

— Тогда верни судьбу как было! — Линь Сюэцзи тоже злилась, проклиная его в душе.

Шуй Угоу застыл, словно деревянный истукан. Он жалел, что помог Янь Дуншэню, а тот оказался таким болтливым!

Трое замерли в противостоянии, пока Янь Дуншэнь не предложил:

— Это моя вина, Сюэцзи так хочет изменить судьбу, так что давайте пожертвуем моим Дао и всё вернем назад!

Шуй Угоу замер на мгновение. Сначала он считал Янь Дуншэня простодушным, а затем — непроходимым глупцом. Он холодно фыркнул и с пренебрежением произнес:

— На изменение судьбы уходит половина жизненных сил. Ты правда готов на это?

Остальные двое, услышав это, не смогли скрыть изумления, особенно Линь Сюэцзи.

— Не пытайся меня запугать! Если бы это действительно стоило половины жизненных сил, стал бы ты так легко менять ему судьбу? Ты ведь не дурак! — выпалила она, глядя на Шуй Угоу с нескрываемым презрением.

Янь Дуншэнь же помрачнел от чувства вины. Он и представить не мог, что его пустяковая просьба стоила Шуй Угоу половины всех сил. Неудивительно, что в тот день, закончив ритуал, Шуй Угоу выглядел совершенно истощенным и тут же потерял сознание.

Нахмурившись, Янь Дуншэнь с искренним раскаянием сказал:

— Угоу, прости меня.

Взглянув на его виноватое лицо, Шуй Угоу почувствовал, как сердце смягчилось.

Но затем он услышал, как Янь Дуншэнь добавил:

— Даже если это стоило половины сил, я все равно готов. Скажи мне, как все вернуть назад?

На этот раз брови Шуй Угоу сошлись на переносице еще плотнее. Янь Дуншэнь был не просто глуп, он был безнадежен!

Шуй Угоу отрезал:

— Если Линь Сюэцзи хочет жаловаться, пусть идет. В конце концов, я просто перестану быть Звездным Владыкой Судеб! Я никогда не прогибался под давлением и угрозами!

Смерив Линь Сюэцзи презрительным взглядом, он холодно бросил:

— Не зря говорят, что ты недоучившаяся демоница! Только и способна, что на такие низкие приемы!

Линь Сюэцзи вспыхнула от ярости. Ее глаза округлились, а сердце клокотало от негодования. Что за ничтожество! Мало того, что совершил ошибку, так еще и ведет себя так вызывающе!

— Какая наглость! Я сама тебя проучу! — едва она закончила фразу, как в ее правой руке вспыхнул светящийся шар, внутри которого парил цветок хиганбаны.

— Мерзкий Владыка Судеб! — выплюнула она и нанесла удар.

Шуй Угоу застыл, увидев хиганбану, и не успел уклониться. Мощный удар сбил его с ног, и он захлебнулся кровью.

Его алое одеяние, подобно кленовому листу, взметнулось в воздухе, прежде чем он с глухим стуком врезался в беломраморные перила и, перекатившись, снова сплюнул кровь.

Линь Сюэцзи вложила в удар лишь половину силы, она не собиралась лишать его жизни. Увидев, насколько хрупким оказался Шуй Угоу, она замерла в замешательстве.

Янь Дуншэнь в испуге бросился к нему, подхватил на руки и закричал:

— Помогите! Сюда, скорее!

Шуй Угоу чувствовал, как грудь сдавило, воздуха не хватало — этот удар едва не стал для него смертельным. Сквозь пелену в глазах он смотрел на ослепительное небо, чувствуя, как по уголку губ течет кровь. Слабым голосом он прошептал:

— Видимо, такова моя судьба.

Он вспомнил то гадание: двое погибнут, один будет ранен. Но почему ранен только он? Неужели ему суждено отправиться в преисподнюю, а Янь Дуншэнь и Линь Сюэцзи сцепятся друг с другом, и один из них умрет, а другой останется калекой?

Собрав последние силы, Шуй Угоу с крайним недовольством пробормотал:

— Что за дрянная судьба...

После чего закрыл глаза и потерял сознание.

— Шуй Угоу! Очнись! Шуй Угоу! — слеза скатилась по щеке Янь Дуншэня. Неужели он ушел вот так?

Когда Линь Сюэцзи увидела слезу Янь Дуншэня, упавшую на лицо Шуй Угоу, ее охватило раскаяние, и гнев мгновенно испарился. Она в смятении смотрела, как Янь Дуншэнь отчаянно трясет бездыханное тело.

— Угоу! — как нельзя кстати в разгар суматохи появился Тань Юньин.

Ворвавшийся человек был облачен в лазурные одежды, его облик был полон шарма, а в персиковых глазах читалась тревога. Он был настолько хорош собой, что невозможно было отвести взгляд.

— Угоу! — Тань Юньин перехватил Шуй Угоу, проверил дыхание и с облегчением выдохнул: — Он жив! Слава богам!

Он подхватил Шуй Угоу на руки и поспешил во Дворец Тяньшу созвездия Бэйдоу.

Янь Дуншэнь остался стоять в растерянности, Линь Сюэцзи не знала, куда деть руки. После долгого молчания Янь Дуншэнь наконец сказал:

— Спускайся в мир смертных. Скоро здесь начнутся неприятности, тебе лучше уйти. Я останусь ждать, пока Угоу очнется, исправлю судьбу и тогда найду тебя.

В глазах Линь Сюэцзи блеснули слезы. Нахмутив свои красивые брови, она сурово упрекнула его:

— Янь Дуншэнь! Неужели в твоих глазах я самая бессердечная и взбалмошная девица? Да?

Янь Дуншэнь замялся и горько усмехнулся:

— Тот, кого ты описала — это я.

— Ха. — Линь Сюэцзи лишь холодно усмехнулась и направилась в главный зал Дворца Тяньфу — Дворец Дождя и Снега.

— Я останусь здесь, пока он не очнется! — проявила она упрямство и наотрез отказалась уходить.

Янь Дуншэнь, терзаемый совестью, чувствовал, что слишком многим обязан Шуй Угоу, поэтому не стал спорить с капризами Линь Сюэцзи и тоже остался ждать.

Солнечный свет проникал в зал, ложась к ногам Янь Дуншэня. Он смотрел вниз, не переставая думать о словах Шуй Угоу: На изменение судьбы уходит половина жизненных сил. Ты правда готов на это?

Янь Дуншэнь слегка нахмурился, глаза его покраснели, и он прошептал:

— Тогда почему ты сам согласился потратить половину своих сил?

Линь Сюэцзи, находившаяся неподалеку, должна была услышать это, но ее внимание привлекли картины на стенах.

На них были изображены сумерки. Золотистый лес, человек в белом с кистью из белого нефрита в руках разворачивает пожелтевший свиток и что-то пишет.

На другой картине — предзимний лес, увядшая листва, на тощей лошади покоится нефритовая флейта, а вечерняя заря делает пустой лес еще более унылым.

Все картины были выдержаны в одном стиле: меланхолия, смешанная с тоской по прошлому. Глядя на них, невозможно было не вздохнуть с грустью и нежностью.

Сердце Линь Сюэцзи сжалось от жалости:

— Тот, кто это рисовал, должно быть, очень одинок и привязан к прошлому. Наверное, ему пришлось нелегко.

Тем временем во Дворце Тяньшу созвездия Бэйдоу Тань Юньин вызвал лекаря. Тот осмотрел

Шуй Угоу, прописал отвары и заверил, что опасности для жизни нет.

Тань Юньин сидел у постели, наблюдая за бледным лицом друга, и в голове у него крутились образы тех двоих: один источал ауру демона, другой — буддийского монаха.

— С каких это пор ты водишься с такими людьми? — озадаченно спросил он, глядя на спящего.

Он и не подозревал, что именно эти двое были теми самыми звездами бедствий из предсказания Шуй Угоу.

Шуй Угоу проспал почти весь день. Открыв глаза, он первым делом увидел персиковые полога, а присмотревшись — вышитые на шелке цветки персика. Он был в Дворце Тяньшу.

— Эх, все-таки этот мерзавец снова затащил меня к себе в постель, — Шуй Угоу покраснел от неловкости.

Почувствовав сухость в горле, он тихо позвал:

— Старый развратник, я пить хочу.

Тань Юньин, сидевший за столом с кувшином вина из цветков персика, тут же отреагировал, налил вина и поднес к губам Шуй Угоу.

Почувствовав знакомый аромат, Шуй Угоу нахмурился и оттолкнул кубок:

— Я ведь больной, не мог бы ты проявить милосердие и подать чаю?

Тань Юньин развел руками:

— Ты же знаешь, я не пью чай.

Шуй Угоу не стал спорить и пригубил вино. Увидев, что ему стало лучше, Тань Юньин поддразнил его:

— Это вино я создал специально для тебя. В будущем будем пить его как свадебное.

— Пф-ф! — Шуй Угоу выплюнул вино прямо в лицо Тань Юньину. Тот, смущенный и обескураженный, молча достал платок и начал вытираться.

Шуй Угоу рассмеялся, лежа в кровати:

— Ха-ха... Старый развратник, поделом тебе.

Тань Юньин закончил вытираться, отшвырнул платок и спросил:

— Как тебя угораздило получить такие раны? Кому ты перешел дорогу?

При упоминании об этом Шуй Угоу помрачнел. Он снова вспомнил цветок в ладони Линь Сюэцзи — это была хиганбана.

Взгляд Шуй Угоу стал глубоким. Он пытался вспомнить каждое движение Линь Сюэцзи, но, кроме первого впечатления о ее спокойствии, все остальное можно было назвать лишь грубостью.

— Эх, — он покачал головой. Похоже, он снова ошибся человеком.

Тань Юньин помахал рукой перед его лицом и слегка подтолкнул:

— О чем задумался? Я тебя спрашиваю!

Шуй Угоу пришел в себя, слегка улыбнулся и переспросил:

— Что ты спрашивал?

Тань Юньин вздохнул:

— Кто были те двое, монах и демон, которых я встретил, когда пришел за тобой? Твои новые знакомые?

Шуй Угоу промолчал, отведя взгляд.

— Ты что, онемел? Почему не отвечаешь? — Тань Юньин покачал головой, приложил ладонь к его лбу и пробормотал: — Жара нет, почему же голова не работает?

— Уйди, уйди, — Шуй Угоу смахнул его руку и после долгого выдоха холодно ответил: — У тебя есть право спрашивать, а у меня — право не отвечать.

Тань Юньин привык к его нраву: когда в духе — ответит, нет — будет молчать как рыба. Он не стал настаивать.

— Лекарь сказал, твои раны за три месяца не заживут. На этот раз ты потрудился на славу! — фыркнул Тань Юньин, хотя в его глазах все еще читалась тревога.

— Три месяца... — тихо повторил Шуй Угоу, смягчаясь. В мыслях снова всплыло лицо Линь Сюэцзи.

— Кстати, старина Тань, ты раздобыл родниковую воду Холодного омута, о которой я просил? — Шуй Угоу смотрел на него с надеждой. Это был уже шестнадцатый раз.

Тань Юньин снова применил старую уловку, смущенно оправдываясь:

— Опять забыл. С этим Мо Чжилинем мы так напились, что я потерял счет времени. В следующий раз, в следующий раз обязательно запомню!

— Забудь. Сам схожу и попрошу Мо Чжилиня, — взгляд Шуй Угоу потух, он выглядел совершенно подавленным.

— Не надо так. Я правда забыл. Ты же знаешь, Мо Чжилинь пьет больше меня, чтобы чего-то добиться, сначала нужно напоить его досыта, а потом... — Тань Юньин пытался оправдаться, но Шуй Угоу накрылся одеялом и отвернулся.

— Эх, ладно, отдыхай, — вздохнул Тань Юньин и вышел из комнаты.

Но Шуй Угоу не мог заснуть. Он постоянно думал о Плод Земных Уз, который посадил на заднем дворе. Это был его старый знакомый, его суженый.

— Я достану воду Холодного омута, и Плод Земных Уз снова зацветет и даст плоды, — в его

глазах светилась глубокая тоска, уголки губ опустились, и слеза скатилась по щеке.

На следующий день Шуй Угоу смог встать с постели. Первым делом он отправился во Дворец Тяньфу, чтобы проведать Плод Земных Уз. Но, войдя в главный зал, он увидел двоих, дремлющих на сиденьях.

Линь Сюэцзи спала, склонив голову, ее облик был безмятежным и спокойным. Утренний свет подчеркивал белизну ее кожи, придавая ей особую нежность.

Она крепко прижимала к себе белую лису, которая, видимо, служила ей подушкой.

Шуй Угоу стоял у дверей, глядя на это, и в его сердце промелькнула зависть. На губах заиграла слабая улыбка.

— Если бы ты пришла, я бы баловал тебя еще сильнее, — вздохнул он и, шагнув навстречу утреннему солнцу, направился на задний двор.

Задний двор был невелик, но засажен десятками гинкго. Сейчас они сбрасывали золотую листву, устилая землю сплошным ковром — зрелище было поистине захватывающим.

В самом центре росла тонкая зеленая лоза. На стебле толщиной с палец располагались крупные листья, и сейчас она беспорядочно тянула свои усики, пытаясь вскарабкаться на высокие деревья.

Шуй Угоу улыбнулся. Его порочная красота в этот момент была наполнена нежностью и глубоким чувством, он походил на прекрасного героя, сошедшего с полотна. Если бы кто-то увидел его сейчас, не смог бы не влюбиться.

Он полил растение водой из изящного нефритового кувшина, и листья Плода Земных Уз стали еще зеленее, еще милее его сердцу.

Шуй Угоу подтянулся и улегся на толстой ветке гинкго. Глядя на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь золотую листву, он мягко улыбался, погружаясь в воспоминания о прошлом.

<http://bllate.org/book/19137/1879571>